

Автограф

«Мне никто не мешает работать, кроме... артиста Хазанова»

Геннадий ХАЗАНОВ

В последнем номере «КО» прошедшего года был опубликован «Автограф» известного советского артиста Геннадия Хазанова. Как и водится в новогоднем интервью, на самом интересном месте раздался бой курантов. Продолжаем разговор с артистом, шагнувшим из кулинарного техникума на подмостки эстрады.

«КО»: Итак, Геннадий Викторович, увидим ли мы когда-нибудь Хазанова-Гамлета, Хазанова-Фигаро, Хазанова-Лариосика?

Г.Х.: Думаю, что нет. Я испытываю самую большую радость, когда встречаю чувства Гамлета или Лариосика в наших современниках или нетеатральных героях Зошенко, Булгакова, Гофмана... Театр — это, прежде всего, дело режиссера. И актерский состав должен точно реализовывать его замысел. Для меня всегда интересно, что мне по тому или иному поводу скажут Захаров, Волчек, Додин.. Прошу прощения, я так редко бываю в театре, что боюсь кого-нибудь из режиссеров обидеть неупоминанием. От того, что я не видел того или другого спектакля, не значит, что на сцене нет интересного и хорошего. Просто у меня мало информации.

«КО»: Может быть, вы привыкли к своему одиночеству на сцене? Вы когда-нибудь видели себя — например, во сне — с партнерами на сцене?

Г.Х.: Нет, никогда не видел.

«КО»: Если бы вы не стали артистом, кем бы вы стали?

Г.Х.: Стал бы актером.

«КО»: В последнее время ваши коллеги запели: Ефим Шифрин поет в своем последнем спектакле. На телеэкране — поющий Аркадий Арканов. В Лужниках услышал поющего Илью Резника... Услышим ли мы поющего Хазанова?

Г.Х.: Я боюсь потерять зрителя.

«КО»: Хотели бы вы быть народным депутатом?

Г.Х.: Нет, никогда. Потому что самое страшное чувство — чувство безответственности.

«КО»: Если все-таки вам бы предоставили трибуну Съезда Советов, вам было бы что сказать народным избранникам?

Г.Х.: Я бы с ужасом поздравил их с Новым годом.

«КО»: Судьба сводила вас в жизни со многими людьми. Иногда на своих выступлениях вы упоминаете об участии в правительственных концертах... Не собираетесь ли писать книгу мемуаров?

Г.Х.: Если придет время, когда меня вышлют из страны, тогда сяду за мемуары. Пока я живу в этой стране, я должен заниматься своим делом. Мое дело — выходить на сцену, вызывать у зрителя смех, улыбку, сострадание, слезы, радость, продолжать настаивать на том, что, раз в этой жизни у нас выбора нет и мы сами себе эту жизнь назначили, значит, надо помогать людям по возможности легче прожить ее — эту очень тяжелую жизнь, в каком бы материальном статусе люди ни находились.

«КО»: Поскольку вы задали условие, что засядете за мемуары после высылки из страны, представьте себе, что вас выслали и вы сидите над первой страницей воспоминаний...

Г.Х.: Тогда я должен задать встречный вопрос: в каком году меня вышлют?

«КО»: Вопрос снимается.

Не мешают ли вам сейчас работать наши компетентные органы и всякого рода АБВГДейки?

Г.Х.: Нет. Мне сейчас никто не мешает работать, кроме самого артиста Хазанова, который нет-нет да пытается втянуться в политическую свару. Я понимаю, что стоять в стороне — глупо, но тем не менее должен каждый день себе напоминать, что моя профессия — ар-

тист. Я не политический деятель — я артист и должен заниматься своей профессией.

«КО»: Побывал на вашем последнем спектакле — здесь, в столичном Дворце молодежи, — и увидел, что некоторые ваши миниатюры покрепче — скажем так! — выступлений таких активных депутатов, как Петрушенко, Алкснис, и др...

Г.Х.: Я стараюсь... Я попросил прибыть сюда нашего замечательного артиста и режиссера Александра Ширвиндта, чтобы изъять из моей профессии все гнусные политические мотивы.

(Дверь отворилась, и вошел Александр Ширвиндт.)

«КО»: Александр Анатольевич, вы подтверждаете это?

(Последовало молчание.)

Г.Х.: Я отвечаю за Ширвиндта. Мы все так *(последовало слово из синонимического гнезда глагола «очуметь»)* от того...

А.Ширвиндт: Мы все так *(последовало слово из того же синонимического гнезда)*...

С.Альтов: Выбирайте выражения...

«КО»: Есть вариант: мы все так с ума обалдели...

Г.Х.: Нет, ребята, нет... Нас провокационно втянули в этот клинч, когда нет ничего, кроме ощущения радости от кровянки, идущей по лицу... Я не бог весть какой знаток литературы, но мне; ей богу, было жаль В.Карпова, который вынужден был уйти с писательского племени. Наверняка, к нему могли быть претензии. Но все мы — живые люди. Зачем же получать радость от того, что сегодня появилась возможность опять убивать друг друга?

Поразительная вещь: те, кто в годы застоя были наиболее острыми, те люди сейчас перешли в качество, именуемое мудростью. Они в состоянии задать себе вопрос: во имя чего делалось все это? Во имя того, чтобы спровоцировать аккумуляцию злобы? Эти люди ни в чем не виноваты. Они пытались всеми силами создать противовес ужасу жизни... Как бы ни был ужасен застой, но в то время...

А.Ш.: ...все боялись. А сейчас никто ничего не боится. Мыслительный, образовательный и физиологический ценз населения настолько низок, что всколыхнулось только то, что могло всколыхнуться: эмоции, злость и дерьмо, которых, действительно, накопилось много. В том процессе, который происходит, страна обречена на одно — на гомеопатию. Что получилось? Огромную раковую опухоль с метастазами вскрыли ржавым топором

— без ниток, медикаментов, томпонов... Стоят милые доморощенные хирурги у развернутой раны и говорят: «Щас, щас, щас...» Что это такое? Может быть, можно было вылечить потихонечку?..

Г.Х.: Профессиональный врач сказал бы: «Ребята, какая гомеопатия при раке с метастазами?!» Но все дело в том, что нам снова сказали полуправду. Если бы сразу было известно, что организм безнадежно болен, что метастазы — во всех частях тела, может быть, все люди поняли, что это — раковое заболевание, а не тяжелая простуда. Тяжелую простуду можно вылечить. А когда говорят: «Рак», вы знаете, что это — рак, и что только чудовищное напряжение всего организма может помочь выжить. Я учился у артистки Театра сатиры, народной артистки республики Надежды Ивановны Слоновой, которая в конце 50-х годов заболела именно этой болезнью. Она потребовала сделать ей повторную операцию только потому, что точно знала, что с ней происходит, чем она больна. Конечно, это не является гарантией успеха...

Незнание происходящего с социальным организмом, особенно, если такая громадная страна — больше, чем ошибка. Хотя я по-прежнему думаю, что гомеопатические средства были бы в некоторых случаях вполне уместны. Что дальше? Идет время — становится все хуже и хуже. А наши врачи, что вскрыли опухоль, столпились вокруг нее и разглядывают: «Ой, и там метастазы. Ой, и там метастазы...» Естественно, ничего, кроме агонии, и не могло начаться.

«КО»: Посмешили вы наших читателей. Геннадий Викторович...

Г.Х.: А что, у нас получается радостный новогодний разговор.

«КО»: Наш разговор, по-моему, выбивается из радостной колеи. Как бы нам прийти к светлому новогоднему финишу нашей беседы?

А.Ш.: Споем куплеты!

«КО»: Александр Анатольевич, ваше появление здесь напомнило мне телепередачи прошлых лет: в кустах оказывается рояль, а мимо проходит Кобзон... Признайтесь, вы пришли к Хазанову потому, что знали, что он будет давать интервью «Книжному обозрению»?

А.Ш.: Нет, я просто знал, что сюда не придет Кобзон...

Г.Х.: Я выйду... Так и запишите: Хазанов вышел и ничего не слышал.

А.Ш.: Я очень люблю Кобзона, но он уже давно — не «рояль в кустах»... Вы хотите спросить, не подстроен ли мой приход сюда? Я не знал, что Геннадий

дает новогоднее интервью «КО», и пришел сюда для собеседования, о сути которого не догадываюсь. Надеюсь, что оно будет творческим. Не для того же меня вызвали сюда, чтобы сообщить, что в буфете Дворца молодежи дают колбасу!

«КО»: Читаете ли вы наш еженедельник?

А.Ш.: Жена его читает регулярно.

«КО»: ...пересказывая вам?

А.Ш.: Пересказывая или тыча пальчиком: это надо прочесть! Сейчас периоду трудно осилить. Но со временем начинается отбор: что читать, что — нет. Все, что оригинально, интеллигентно, откладывается в одну сторону, а вся темпераментная пена — в другую. Так что «КО» лежит у меня в левой стопке.

«КО»: Смотря откуда смотреть...

А.Ш.: Со стороны правой стопки, разумеется.

«КО»: Что бы вы пожелали нашим читателям в Новом году?

А.Ш.: Про все наши нынешние интервью можно сказать: соображения одни и те же, а мысли разные. Обычно в новогоднем интервью положено говорить: «Мы, работники веселого цеха, несмотря на трудности и перспективу голода, все-таки желаем оптимизма, радости, чувства юмора, саморонии, без которых нельзя жить и выжить...» И в конце произносят фразу, которую приписывают всем на свете: Паперному, Богословскому, а в последнее время — и мне: когда-то говорили, что юмор строить и жить помогает. Это юмор строит и жить помогает. Это юмор строит и жить помогает. Это юмор строит и жить помогает. Вот на этой сакраментальной, украденной неизвестно у кого фразе можно поставить точку. Без юмора мы не протянем. Злость — вещь смертельная, и зимой со злостью холодно...

«КО»: Геннадий Викторович, мне хочется закончить нашу новогоднюю беседу на оптимистической ноте: с кем из политических деятелей вы связываете свои надежды?

Г.Х.: Я связываю надежды с Бушем, Кодем... Хусейном... Да, да, потому что, если с Хусейном будет плохо, боюсь, тогда вообще надеяться будет не на что...

Что касается наших политиков, то я сердечно желаю удачи всем (не боюсь показаться подхалимом!) — Горбачеву, оказавшемуся в таком положении, в котором я бы не согласился оказаться ни за какие Нобелевские премии; безусловно, я желаю удачи Попову, Станкевичу, Ельцину...

А.Ш.: И Айтматову пожелай...

Г.Х.: Айтматову желать удачи поздно. Я считаю, что Айтматов сам уже должен пожелать удачи всем, кто остался здесь, а не представляет Люксембург в Советском Союзе.

«КО»: Традиционный вопрос рубрики «Автограф»: какой вопрос задал бы Геннадий Хазанов артисту Хазанову и как артист Хазанов ответил бы на этот вопрос?

Г.Х.: Не надоело языком молотить?

А.Ш.: Теперь отвечай!

Г.Х.: Нет.

Автограф брал
Александр ЩУПЛОВ.